

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

Научные тенденции: Юриспруденция

Сборник научных трудов

**по материалам
международной научной конференции**

20 октября 2016 г.

LJOURNAL.RU

Самара 2016

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Научный диалог: Юриспруденция. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции 20 октября 2016 г. Часть 1 Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2016. - 32с.

SPLN 001-000001-0056-QW
DOI 10.18411/spc-20-2016-10
IDSP 000001:spc-20-2016-10

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Юриспруденция**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0056-QW

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

Болотов Г.И., Головченко А.В. Особенности реализации антикоррупционной политики в сфере образования.....	5
Кольчевский А.В. Деятельность военно-судебных органов на территории, освобожденной от фашистской оккупации в заключительный период ВОВ	6
Лумбунова В.В. К вопросу об административной ответственности за налоговые правонарушения.....	8
Распутин Н.В. Особенности определения религиозного экстремизма	11
Саганов П.Н. Документальное оформление управленческой деятельности органов муниципальной власти в Российской Федерации	13
Салимзянов А.И. Элементный состав инвестиционных правоотношений: законодательный подход.....	15
Таилова А.Г., Нухдурев Р.О. Личностные характеристики несовершеннолетнего преступника	17
Таилова А.Г., Нухдурев Р.О. Законодательное определение санкций.....	18
Упоров И.В. Преступность как социально-опасное явление и проблема применения метода государственного принуждения в истории уголовной политики России	20

Шавеко Н.А. Понятие права по Г. Радбруху	24
Шубина В.Л. Теоретико-правовые основы статуса уполномоченного по правам человека	27
Шубина В.Л. Роль уполномоченного по правам человека в Орловской области в избирательном процессе	30

Болотов Г.И., Головченко А.В.

Особенности реализации антикоррупционной политики в сфере образования

*СГУ имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-01

idsp: 000001:spc-20-2016-10-01

Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273 - ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим или юридическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Согласно всероссийским опросам ВЦИОМ за период с 2005 по 2015 гг., 14 % опрошенных назвали сферу образования самой коррумпированной в стране, таким образом, она заняла в рейтинге 8 место.

Образование является единственной специализированной подсистемой общества, целевая функция которой совпадает с целью общества. Если различные сферы и отрасли хозяйства производят определенную материальную и духовную продукцию, а также услуги для человека, то система образования производит самого человека, воздействуя на его интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Это определяет ведущую социальную функцию образования - гуманистическую.

Специфика коррупции в образовании в том, что данное определение не подходит под деятельность некоторых коррупционных схем. Например, при поступлении в вузы деньги нередко берут посредники, которые вообще не имеют полномочий по содействию в приеме. Часто методисты кафедр выступают посредниками при передаче финансовых средств за экзамен или за зачет.

Таблица 1.

Характеристика образовательной коррупции

Показатели	Характеристика
Взяткополучатели	Педагог, ответственное лицо образовательного учреждения, наделенное определенными полномочиями
Взяткодатели	Обучающийся, его родители
Инициаторы коррупционных отношений	Возможны такие варианты: - по инициативе стороны обучающегося; - вымогательство взятки со стороны работников образовательного учреждения
Формы выгоды, получаемой взяткополучателем	Денежные средства, материальные ресурсы (ремонт в доме, бытовая техника, другое), обмен услуги
Цели коррупции с точки зрения взяткодателя	- поступление в престижный вуз; - сдача экзамена, зачета; - покупка диплома
Уровень распространения коррупции	Задействованы все уровни: - низовая (рядовые сотрудники, младший и средний уровень управления); - верхушечная (высшее руководство, работники министерств и ведомств)

Многообразные формы неэтичного и преступного поведения в сфере образования требуют контроля, регулирования и пресечения. В последние десятилетия большинство университетов и колледжей во всем мире принимают этические кодексы. Приняты международные декларации ценностей академического сообществ

(Бухарестская декларация, Сорбонская декларация, Грацкая декларация, Билль об академических правах и др.), представляющие собой свод принципов и ценностных ориентиров научного сообщества.

Для эффективной борьбы с коррупцией в образовании необходима разработка рационально-законодательного механизма, включающего комплекс мероприятий, направленных на минимизацию возможностей для коррупции. На законодательном уровне необходимо провести ревизию действующих нормативных правовых актов по следующим направлениям: распутывание противоречий и прояснение «туманностей», поскольку это создает возможность для чиновного произвола и коррупции; "заккрытие" многочисленных отсылочных норм в действующих законах; ревизия шкалы наказаний за коррупционные действия с учетом того, что большая часть из них требует ужесточения ответственности; дифференцирование в Уголовном кодексе коррупционных действий в сфере образования; ужесточение контроля над ведомственным нормотворчеством и введение постоянно действующей экспертизы законодательства на «антикоррупционность».

Список используемых источников информации

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228
2. Указ Президента РФ от 01.04.2016 N 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 - 2017 годы» // «Собрание законодательства РФ», 04.04.2016, N 14, ст. 1985
3. Всероссийские опросы ВЦИОМ: Коррупция в России: мониторинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-10-26-korrupcia.pdf.
4. Моральный кодекс исследователя и нравственные основания научно-педагогической деятельности (Круглый стол) // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 41–62.

Кольчевский А.В.

Деятельность военно-судебных органов на территории, освобожденной от фашистской оккупации в заключительный период ВОВ

*Адъюнкт НВИ ВВ МВД России
(Россия, Новосибирск)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-02

idsp: 000001:spc-20-2016-10-02

История Отечества – постоянный и непрерывный диалог между прошлым и настоящим. Это исторический процесс, в котором насущные проблемы дня нынешнего неизменно требуют анализа аналогичных или сходных проблем прошлого. Если это так, то изучение истории России, а военной истории особенно, сегодня нужнее, чем когда-либо прежде [1 С. 49-50.].

Военно-судебные реформы прошлого занимают особое место в ряду структурных реформ России. Они продиктованы необходимостью привести правовые нормы и судопроизводство в вооруженных силах в соответствие с теми кардинальными изменениями, которые уже воплощались в социальной, общественной и военной сферах государства [2]; [3. С. 30-34]; [4. С. 8-11].

Сегодня, как бы ни казалось это на первый взгляд странным, те же самые проблемы остаются весьма актуальными, поэтому требуют своего разрешения, но, разумеется, в новых исторических условиях и на уровне, отвечающем потребностям развития страны и ее вооруженных сил в начале XXI столетия [5].

Проводимая в Российской Федерации и не завершившиеся до сих пор, военно-судебная реформа обострила интерес к деятельности военных судов в прошлые периоды. Это обусловлено: необходимостью существования военных судов в системе судебных органов государства, их, подготовкой и комплектованием соответствующими кадрами; разработкой законодательства о военных судах, их организации и деятельности в период военного времени и в условиях чрезвычайной обстановки [6. С. 9-12]; [7. С. 14].

Все эти вопросы имеют крайне важное научно-познавательное и практическое значение. Для правильного разрешения данных вопросов необходимо учитывать весь предшествующий опыт деятельности военных судов в России. В связи с этим изучение

отечественного опыта, особенно в период ВОВ имеет важное значение. С учетом этого важно учесть деятельность военно-судебных органов в заключительный период войны, когда военная юстиция приобрела определенный опыт. Данная практика требует своего научного осмысления и тщательного анализа в современных условиях [8]; [9]; [10. С. 43].

По мере освобождения советскими войсками территории, временно оккупированной немецкими войсками, на рассмотрение военных трибуналов стали поступать дела о злодеяниях гитлеровцев и их пособников. [11. С. 40-44] С выходом войск за рубежи страны в практике военных трибуналов появились дела о новых видах преступлений, которые были связаны с действиями различных враждебных организаций и лиц против Красной армии и флота (диверсии, убийства военнослужащих и т. д.). Такие процессы над участниками фашистских злодеяний состоялись в городах Краснодаре, Харькове, Смоленске, Киеве, Минске, в Орловской, Брянской и Бобруйской областях, в Николаеве и других местах [12 С. 101-111.]; [13. С.105]; [14]; [15. С. 3].

Первый из этих процессов был проведен в июле 1943 г. в г. Краснодаре военным трибуналом Северо-Кавказского фронта. К ответственности были привлечены 11 сообщников гитлеровских палачей из числа советских граждан. Все они изменили Родине, пошли на службу к оккупантам и состояли в карательном отряде. Они обвинялись в пособничестве гестаповцам в истреблении мирного населения Краснодарского края. Суд признал всех подсудимых виновными и приговорил 8 человек к смертной казни через повешение, а остальных к лишению свободы сроком на 20 лет. [16]; [17].

В изъятие из общих правил судопроизводства в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий дела рассматривались по истечении 24 часов после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, устранялось обжалование и опротестование приговоров военных трибуналов в кассационном порядке. В районах боевых действий нарушался принцип состязательности, так как там, как правило, не было коллегий адвокатов. Поэтому в действующей армии дела в подавляющем большинстве рассматривались без участия представителей обвинения и защиты [18].

Названные изъятия из общих правил судопроизводства были вынужденными, диктовались обстановкой военного времени, необходимостью быстроты и своевременности судебного реагирования. Об этом можно судить, например, по данным о сроках рассмотрения дел военными трибуналами 2 Белорусского фронта в январе – феврале 1945 г., когда войска фронта вели успешные наступательные операции на территории противника, стремительно продвигаясь к Данцигской бухте. В этот период в срок до 2 дней с момента поступления было рассмотрено 96 % дел, от 2 до 5 дней – 3,5 %, от 5 до 10 дней – 0,5 % дел [19]; [20]; [21].

В период Великой Отечественной войны основные принципы осуществления советского правосудия – устность, непосредственность и гласность процесса – в военных трибуналах действующей армии не претерпели сколько-нибудь существенных ограничений. Каковы бы ни были условия боевой обстановки и связанные с этим трудности организации судебных процессов, военные трибуналы не допускали рассмотрения дел в отсутствие обвиняемого. То же самое следует сказать и по поводу явки в суд свидетелей, и лишь наличие непреодолимых препятствий, вызываемых боевой обстановкой, вынуждало военные трибуналы идти на ограничение принципа непосредственности. В таких случаях военные трибуналы знакомили подсудимых с показаниями отсутствующих свидетелей, разъясняя их суть. Судебные процессы, как правило, проводились открытые, в присутствии личного состава. При невозможности участия на процессе от частей приглашались представители [22]; [23 С. 95–100]; [24];

Таким образом, в результате проведенного исследования, возможно сделать следующие выводы:

1. в период освобождения советской армией территорий от фашистской оккупации на рассмотрение военных трибуналов стали поступать дела о злодеяниях гитлеровцев и их пособников;
2. в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий происходили некоторые изъятия из общих правил судопроизводства, которые

были вынужденными, диктовались обстановкой военного времени, необходимостью быстроты и своевременности судебного реагирования;

3. не смотря на сложность обстановки основные принципы осуществления советского правосудия – устность, непосредственность и гласность процесса неукоснительно соблюдались.

Список используемых источников информации

1. Григорьев О.В. К вопросу о необходимости использования исторического опыта при проведении военно-судебных реформ в России на современном этапе. // В сборнике: Перспективы развития науки и образования сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2014.
2. Петухов Н. А. История военных судов России.
3. Григорьев О.В. Формирование военно-судебной системы в ходе реформ Петра I // Российский судья. 2009. № 11.
4. Григорьев О.В. Исследование военно-судебных реформ в России: к методологии вопроса // История государства и права. 2011. № 14.
5. Григорьев О.В. Судебная власть, гражданское общество, судебные реформы: алгоритм взаимообусловленности // История государства и права. 2014. № 9. С. 3-8.
6. Григорьев О.В. Генезис органов военного правосудия (Середина XVI — начало XXI вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10.
7. Григорьев О.В. Правовые реформы — ответ на вызовы социальных деструкций // Административное и муниципальное право. 2011. № 8.
8. Ершиков А. И., Москалев А. В. Структура и организация военных трибуналов во время войны // Бюллетень Управления военных трибуналов и Военной коллегии Верховного Суда СССР. 1982. № 1–2.
9. Гусев Л.Н. Сборник документов по истории советской военной юстиции.- М.,1954.
10. Григорьев О.В. Советская судебная система: исторический период 1921-1941 гг. // Российский судья. 2010. № 2. С. 40-44.
11. Григорьев О.В. Советская военно-судебная система в период великой отечественной войны (1941-1945 гг.) Российский судья. 2010. № 6.
12. Сборник документов по истории советской военной юстиции.- М.,1954.
13. Маслов В., Чистяков Н. Сталинские репрессии и советская юстиция.// Коммунист.- 1990.- № 10.
14. Григорьев О.В. История отечественного государства и права // Современная гуманитарная академия. Новосибирск, 2010.
15. Строгович М. С. Гарантии установления материальной истины по уголовному делу в боевой обстановке // Труды ВЮА. Ашхабад,1943. Вып. 3.
16. Архив ВК ВС СССР. 1943. Инв. № 029.
17. Григорьев О.В. Развитие военно-судебной системы России (середина XVI - начало XXI вв.) / О. В. Григорьев. Москва, 2012.
18. Григорьев О.В Развитие военной судебной системы в советский период // Григорьев О.В. Монография / Новосибирск, 2014.
19. Шупленков В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986.
20. Архив УВТ. Оп. 1. Ед. хр. 291. Н. 2. Л. 186.
21. Григорьев О.В., Михайлова Н.В. Военно-судебные реформы России (середина XVI — конец XX века.) // Григорьев О.В., Михайлова Н.В. Учебное пособие / Москва, 2010.
22. Кожевников М.В. История советского суда.- М., 1948.
23. Мамыкин А. С. Реализация права обвиняемого на защиту в годы Великой Отечественной войны // Российское правосудие. 2010. № 5.
24. Петухов Н.А., Пипко В.Б., Толкаченко А.А. История суда. Военные суды в судебной системе Российской Федерации.// www.supcourt. ru. и др.

Лумбунова В.В.

К вопросу об административной ответственности за налоговые правонарушения

*Иркутский Юридический Институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(Россия, Иркутск)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-03

idsp: 000001:spc-20-2016-10-03

Аннотация

В статье рассматривается налоговая ответственность, как обозначение самостоятельного вида юридической ответственности с материального (отраслевого) и процессуального критериев.

Ключевые слова: административная ответственность, налоговая ответственность, юридическая ответственность.

On the question of administrative liability for tax offenses

Abstract

The article discusses the tax liability, as a symbol of an independent kind of legal responsibility to the material (industry) and procedural criteria.

Keywords: administrative responsibility, fiscal responsibility, legal responsibility.

Налоговые правонарушения не редкость в наше время. Прокуратура Российской Федерации, рассматривает противодействие налоговым правонарушениям, как одно из перспективных направлений обеспечения законности в стране [14, с. 1239]. Представляется важным наличие мнения сотрудников прокуратуры о том, что к проблемам реализации юридической ответственности в Российской Федерации относятся: неовершенство правовой регламентации процесса реализации ответственности, некомпетентность органов, уполномоченных возлагать юридическую ответственность, слабое финансирование и материальная база органов, осуществляющих производство по делу о возложении юридической ответственности, недостаточность правосознания участников производства по делу о возложении юридической ответственности [15, с. 12-13]. Поэтому встает актуальный вопрос об ответственности, которая следует за нарушения норм права в сфере налогообложения.

Ответственность за налоговые правонарушения – достаточно дискуссионный вопрос. Так, Ткаченко А. А. пишет: «Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что следует различать несколько подходов к вопросу о правовой природе налоговой ответственности:

1) налоговая ответственность – это административная ответственность за налоговые правонарушения; какие-либо основания для выделения налоговой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности (включая употребление самого термина «налоговая ответственность») отсутствуют [1, с. 6];

2) налоговая ответственность – это разновидность финансовой ответственности [2, с. 142-143];

3) налоговая ответственность – это новый, самостоятельный вид юридической ответственности, обладающий значительной отраслевой спецификой [3, с. 7];

4) налоговая ответственность – это научная категория, раскрывающая специфику применения административных, уголовных, гражданско-правовых санкций за нарушение налогово-правовых норм действующего законодательства [4, с. 56-57].

Наиболее распространенной является точка зрения об административной природе налоговой ответственности, в соответствии с которой все нарушения законодательства о налогах и сборах, не содержащие признаков преступления, рассматриваются в качестве административных правонарушений. Сторонники данного подхода (А.П. Алехин, Д.Н. Бахрах, Л.Ю. Кролис и др.), отказывая в видовой самостоятельности налоговой ответственности, фактически признают исключительность административного закона в части ответственности за нарушения в сфере налогообложения» [5, с. 280].

Так же, высказывается мнение о том, что «использование термина «налоговая ответственность», как обозначение самостоятельного вида юридической ответственности, в настоящее время, нельзя признать обоснованным. В связи с чем, ответственность, установленную НК РФ, несмотря на отсутствие, на сегодняшний день, однозначного нормативного закрепления ее административно-правовой природы, целесообразней рассматривать как узкоспециальное обозначение административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере, без отделения ее от последней» [6, с. 9].

Рассмотрим, что из себя представляет административная ответственность. КоАП РФ не дает определения административной ответственности, поэтому мнения по данному вопросу в науке административного права разнятся.

Так, проф. В. С. Четвериков считает, что «административная ответственность – применение судьей, уполномоченным органом или должностным лицом установленных государством мер административного наказания на основании законодательства об административных правонарушениях и в порядке, определяемом законом к физическим и юридическим лицам за виновное административное правонарушение, предусмотренное КоАП и принятыми в соответствии с ним и законами субъектов Федерации, а также осознанная готовность виновного лица понести это наказание» [7, с. 246].

Проф. Б. В. Россинский определяет административную ответственность как «...вид юридической ответственности, который выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение» [8, с. 603].

В свою очередь А. В. Юрковский выдвигает точку зрения о том, что административную ответственность необходимо рассматривать в двух аспектах: в широком (объективном) и узком (субъективном) смыслах [9, с. 183].

По нашему мнению, административная ответственность – это мера государственного принуждения, применяемая в отношении физического или юридического лица, совершившего противоправное, виновное деяние в сфере отношений, регулируемых нормами административного права.

Юридическим фактом, влекущим применение административной ответственности, является административное правонарушение. В п. 1 ст. 2.1 КоАП РФ говорится, что «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [10].

В ст. 106 НК РФ законодатель прописывает, что под налоговым правонарушением «признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность» [11]. Из анализа данных статей следует, что и административное, и налоговое правонарушения – это виновные противоправные деяния субъектов, за которые предусмотрена ответственность соответствующим Кодексом.

НК РФ в ст. 17 п. 2 указывает, что физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение налоговых правонарушений с шестнадцатилетнего возраста, также как и КоАП РФ в ст. 2.3 п. 1 устанавливает, что административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет.

«Если налоговую ответственность рассматривать с материального (отраслевого) или процессуального критериев ответственности, то существенных отличий по данным критериям между налоговой и административной ответственностью практически не наблюдается, а значит, налоговая ответственность от административной ничем не отличается» [12, с. 84-85].

«Любые, налагаемые на нарушителей штрафы, согласно ст. 3.2 КоАП РФ относятся к административным взысканиям» [13, с. 84], а поскольку «специфических мер воздействия за нарушения налогового законодательства НК РФ не предусмотрено, эти меры сводятся к применению типичного административного взыскания – штрафа» [14, с. 404].

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что налоговая ответственность входит в понятие административная ответственность. Поэтому противоречия, возникающие между КоАП РФ и НК РФ в сфере регулирования налоговых отношений, законодателю следует устранить. Мы предлагаем правонарушения, предусмотренные НК РФ, но не прописанные в КоАП РФ, объединить в одном нормативно-правовом акте – КоАП РФ и там же установить и унифицировать ответственность за них.

Список используемых источников информации

1. Морозов, Е.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере налогообложения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.14 / Е. В. Морозов. – Омск, 2009. – 18 с.
2. Мусаткина, А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности / А. А. Мусаткина // Журнал российского права. – 2005. – № 10. – С. 142-151.
3. Гогин, А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.01 / А. А. Гогин. – Саратов, 2002. – 19 с.
4. Ткаченко, А.А. К вопросу о правовой природе налоговой ответственности / А. А. Ткаченко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 280-283.
5. Морозов, Е.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере налогообложения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук :12.00.14 / Е. В. Морозов. – Омск, 2009. – 18 с.
6. Четвериков, В. С. Административное право : учебник / В. С. Четвериков. – М. : Эксмо, 2010. – 512 с.
7. Россинский, Б. В. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – М. : Норма: Инфра-М, 2010. – 928 с.

8. Юрковский, А. В. Административное право : учебное пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2012. – 287 с.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [Электронный ресурс] : от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [ред. от 06.07.2016]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ [в ред. от 03.07.2016]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Сидорович Ю. С. Ответственность за совершение налоговых правонарушений и ее место в системе юридической ответственности / Ю. С. Сидорович // Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С.83-87.
12. Сидорович Ю. С. Ответственность за совершение налоговых правонарушений и ее место в системе юридической ответственности / Ю. С. Сидорович // Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С.83-87.
13. Налоговое право : учебник / под ред. С. Г. Пепеляева. – М. :Юрист, 2003. – 591с.
14. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Теоретико-методологические и практико-организационные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности сотрудников прокуратуры РФ (социологические и юридические аспекты) // Научные труды. Российская академия юридических наук Москва, 2015.
15. Юрковский А., Кузьмин И. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. - 2016. № 3.

Распутин Н.В.

Особенности определения религиозного экстремизма

*Юридический институт Иркутского государственного университета
(Россия, Иркутск)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-04

idsp: 000001:spc-20-2016-10-04

Аннотации

В статье рассматриваются признаки понятия религиозный экстремизм через призму правовых предписаний и научных подходов.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, антиценность, мировоззрение, противоправное деяние.

Features of the definition of religious extremism

Abstract

The article discusses the concept of signs of religious extremism through the prism of the legal regulations and scientific approaches.

Keywords: religious extremism, antivalue, outlook, wrongful act.

Понятие «экстремизм» вообще и «религиозный экстремизм» в частности которое переводится с латыни как крайний, нацеленный на крайность, прочно вошло в международный и национальный правовой дискурс.

В международном праве под экстремизмом понимают какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством [11].

В современных зарубежных государствах религиозный экстремизм рассматривается как социальная и правовая антиценность [12, с. 56 – 66]. Для большинства государств современного мира противодействие экстремизму предполагает концентрацию значительных усилий по организации и деятельности сил специального назначения, с учетом их важности в борьбе с названным явлением и отличается большой национальной спецификой, своеобразием, но, вместе с тем, имеет и много общего [13, с. 50-57].

В Российской Федерации имеется законодательное определение экстремизма[6], которое очень массивно и включает в себя все возможные признаки рассматриваемого явления.

По мнению законодателя, к религиозному экстремизму относятся, четыре существенных признака: возбуждение религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии; совершение преступлений по мотивам религиозной ненависти.

Под экстремизмом в большинстве случаев в научной литературе понимают идеологию, позволяющую и пропагандирующую крайние, зачастую насильственные меры отстаивания своих взглядов, непримиримость и агрессию в отношении инакомыслящих [5, с. 54].

С. Н. Фридинский определяет экстремизм как деятельность общественных, политических и религиозных объединений, либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию, либо иному содействию ее осуществления, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной; на возбуждение социальной, имущественной, расовой, национальной и религиозной розни, унижение национального достоинства; на отрицание абсолютной ценности прав человека; на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; на подрыв безопасности Российской Федерации, а равно публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению таких действий [10, с. 8.].

Н. Н. Афанасьев дает определение религиозному экстремизму как приверженность некоторых религиозных групп или отдельных религиозных деятелей к крайним толкованиям своих вероучений и методам действия, основанным на нетерпимости к представителям других конфессий или жестоком противоборстве в рамках одной конфессии [2, с.230].

Е. Л. Забарчук под религиозным экстремизмом понимает деятельность в сфере межрелигиозных отношений, находящую свое выражение в насильственных попытках навязывания обществу определенной системы религиозных воззрений, а также обоснование либо оправдание такой деятельности [3, с.12].

Р. А. Амирокова высказывает, что религиозный экстремизм - это религиозно-мотивированная и религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти [1, с.45].

По мнению М. А. Яворского религиозный экстремизм – крайняя форма реализации радикальной религиозной идеологии, выражающаяся в осуществляемых по мотивам религиозной нетерпимости противоправных деяниях лиц и (или) групп, приверженцев определенного вероучения, а также в публичных призывах к совершению таковых деяний по отношению к лицам и социальным группам, не разделяющим взгляды и убеждения экстремистов [14, с.17].

Скворцова Т. А. утверждает, что под религиозным экстремизмом следует понимать исповедание некоторыми религиозными группами или отдельными лицами идеологии, основанной на нетерпимости к представителям других конфессий и (или) атеистам или противоборстве в рамках одной конфессии, ведущее к совершению этими группами или лицами противоправных деяний, нарушающих права и законные интересы граждан, государства и общества в целом [7, с.16].

Подводя итог, мы можем сказать, что понятие религиозного экстремизма должно формироваться из нескольких признаков, а именно это деятельность, ее основа заключается в исповедании нетерпимости, также необходим субъект осуществляемого действия, таковыми являются группы, деятели или отдельные лица, это деятельность должна быть направлена на конфессии или атеистов, ну и наконец, должны нарушаться права и законные интересы государства, общества и личности. В итоге мы можем сказать, что религиозный экстремизм - это деятельность группы лиц, деятелей или отдельного лица, основанная на исповедании нетерпимости по отношению к представителям иных

конфессий, атеистам или в противоборстве в рамках одной конфессии, нарушающая права и законные интересы государства, общества и конкретной личности.

Список используемых источников информации

1. Амирокова Р. А. Политический экстремизм: к постановке проблемы // Социокультурные, политические, этнические и гендерные проблемы современного российского общества: Материалы 49-й научно-методической конференции «Универсальная наука – региону». – Ставрополь. - 2004. – С. 45-49.
2. Афанасьев Н. Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – 2002. - № 1. – С. 45-50.
3. Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е. Л. Забарчук // Журнал российского права. - 2008. - № 6. - С. 12-14.
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с внес. поправками от 21 июля 2014 г. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Материалы конференции «Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним». – М., 1998. – 453 с.
6. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3031.
7. Скворцова Т. А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов н/Д, 2004. – 170 с.
8. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. -№ 25. – Ст. 2954.
9. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / С. Н. Фридинский. - Ростов н/Д, 2003. – 34 с.
10. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: Уголовно-правовой и криминологический аспекты. – Ростов н/Д, 2004. – 169 с.
11. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Собр. законодательства РФ. – 2003. - № 41. – Ст. 3947.
12. Юрковский А. В. Ценностные ориентиры в конституционном праве стран Северо-Восточной Азии // Проблемы права. – 2014. - № 4 (47). – с. 56 – 66.
13. Юрковский А.В., Сараев А. В., Кузьмин И.А. Борьба с терроризмом в России и Республике Корея: сравнительный анализ особенностей организации и деятельности сил специального назначения // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — Counter-Terrorism. – 2016. - №. 1. – с. 50-57.
14. Яровский М. А. Причины и условия религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. – 2008. - № 8. – С. 17-20.

Саганов П.Н.

Документальное оформление управленческой деятельности органов муниципальной власти в Российской Федерации

*Иркутский Юридический Институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(Россия, Иркутск)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-05

idsp: 000001:spc-20-2016-10-05

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы документирования муниципальных правовых актов. Также рассмотрена практика органов местного самоуправления в этой сфере и способы по совершенствованию их деятельности.

Ключевые слова: документ, муниципальный правовой акт.

Abstract

The article deals with the problems of documenting municipal regulatory legal acts (legal acts). It also touches upon the practice of municipal authorities and proposals for ways to improve this activity.

Key words: document, municipal regulatory legal act (legal act).

Развитие российской государственности, расширение и усложнение общественных отношений дают повод для динамичных преобразований в правотворчестве на государственном и муниципальном уровнях. А развитие местного самоуправления невозможно без развития муниципальной правовой базы [5].

В настоящее время деятельность органов местного самоуправления как целостной системы органов власти имеет ряд особенностей. Поэтому использование общегосударственной регламентации документального оформления в управленческой сфере является обязательной и необходимой мерой для достижения единообразия правил и норм делопроизводства, удобства работы в отдельных муниципальных образованиях.

Следует отметить, что проблема правового регулирования в области муниципального нормотворчества поднимается в ряде научных работ [4]; [6], что свидетельствует об ее актуальности и необходимости дополнительной регламентации со стороны органов власти различных уровней.

В муниципальных образованиях имеется огромный массив различных нормативных правовых актов, но в каждом разработан устав, в соответствии с ним создаются другие организационные документы, регулирующие порядок работы представительного органа местного самоуправления и местной администрации. Следует отметить, что устав муниципального образования играет особую роль среди организационных документов, так как на него ориентируются при разработке положений и регламентов работы органов местного самоуправления [1].

Так, ст. 44 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет примерную структуру текста устава муниципального образования и порядок внесения в него изменений и дополнений [3]. Таким образом, законодатель на федеральном уровне установил критерии, которым должен соответствовать основной документ муниципального образования. Что нельзя сказать о других нормативных правовых актах местного уровня.

Главная проблема для документирования управленческой деятельности в органах местного самоуправления – это отсутствие единого нормативного акта, который определял бы критерии и параметры, которым должен соответствовать муниципальный нормативный правовой акт. Анализируя акты органов местного самоуправления, мы пришли к выводу о том, что каждый из этих органов оформляет их не единообразно.

В соответствии с выше законом муниципальные нормативные правовые акты, в том числе оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан), подлежат включению в регистр муниципальных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, организация и ведение которого осуществляются органами государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Так, например, в Иркутской области для единообразного оформления муниципальных нормативных правовых актов, подлежащих включению в регистр, Постановлением Правительства Иркутской области от 7 июля 2016 г. № 416-пп введены требования по оформлению [2]. Представляется, необходимым распространить такую практику и в других субъектах Российской Федерации с последующим принятием соответствующих актов на местном уровне. Так, в сельском поселении «Ныгда» Аларского муниципального района Иркутской области, принято распоряжение главы администрации по основной деятельности, устанавливающее такие требования в качестве обязательных для всех нормативных правовых актов администрации. Такое решение в документировании управленческой деятельности администрации сокращает время при направлении муниципальных нормативных правовых актов в соответствующий регистр по субъекту.

Следует отметить, что прокурорам, надзирающим за законностью таких актов, будет гораздо эффективнее проводить надзор, мониторинг состояния муниципальных правовых баз. Поэтому считаю, что горрайпрокурорам необходимо внедрить такой опыт в поднадзорных муниципалитетах и внести в их органы в качестве правотворческой инициативы либо в качестве модельного акта проекты соответствующих документов.

Учитывая объем муниципального нормотворчества, представляется, что таким образом можно решить вопрос об упорядочивании управленческой деятельности, приведении в единообразие всех нормативных правовых актов и других документов в органах местного самоуправления.

Список используемых источников информации

1. Кукарина Ю.М. Особенности документирования управленческой деятельности в органах местного самоуправления Российской Федерации // Делопроизводство. – 2016. – № 2. – С. 31 - 37.

2. О внесении изменений в Положение об отдельных вопросах организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов Иркутской области: Постановление Правительства Иркутской области от 07 июля 2016 г. № 416-пп // URL :<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3800201607120004> (Дата обращения: 16.09.2016 г.).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: учебное пособие / Костюнина Ольга Владиславовна, Юрковский Алексей Владимирович. – Иркутск, 2012. – С. 5.
5. Саганов Петр Николаевич. К вопросу о юридической природе муниципальных правовых актов // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 12. – С. 191.
6. Юрковский Алексей, Кузьмин Игорь. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. – 2016. – № 3. – С. 11.

Салимзянов А.И.

Элементный состав инвестиционных правоотношений: законодательный подход

УВО «Академия управления «ТИСБИ»

(Россия, Казань)

doi:10.18411/spc-20-2016-10-06

idsp: 000001:spc-20-2016-10-06

В настоящее время в российском законодательстве инвестиционные отношения прямо урегулированы Федеральным законом «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [1], которым устанавливаются, как правовые, так и экономические основы инвестиционной деятельности, касающиеся капитальных вложений. Правовое регулирование деятельности инвесторов также осуществляется в России на базе общих правовых основ, которые отражены в таких кодексах РФ как Гражданский, Бюджетный кодекс, Налоговый, Земельный, Градостроительный, а также Таможенном кодексе Таможенного Союза и др. К актам общего законодательства можно отнести Федеральные законы «Об акционерных обществах», «О несостоятельности (банкротстве)» и др. Отношения, которые возникают в связи с вложением инвестиций, регулирует также Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [2], утративший силу только в части норм, противоречащих Закону о капитальных вложениях. Интересы инвесторов на рынке ценных бумаг, в сферах недропользования, инфраструктуры и долевого участия в строительстве защищены специальными законами. В России также действует Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [3], посредством которого определяются основные гарантии прав иностранных инвесторов на инвестиции.

Как представляется, инвестиционные правоотношения - это отношения, которые определяют процесс инвестирования, регламентируемый нормативно-правовыми актами, в которых всегда присутствуют субъект (инвестор), располагающий инвестициями, объект (объект инвестиций) и связь между ними, являющаяся системообразующим фактором, объединяющим все остальные элементы в одно целое.

Основными субъектами инвестиционных правоотношений выступают: инвесторы; лица, которые используют инвестиции; пользователи объектов инвестирования; финансовые посредники, которые обеспечивают аккумуляцию финансов и их наиболее эффективное размещение; иные лица, участвующие в инвестиционных правоотношениях.

Одним из неперенных участников инвестиционного правоотношения является инвестор. Инвестор - субъект инвестиционной деятельности, который осуществляя вложение инвестиций, обеспечивает в соответствии с действующим законодательством их целевое использование. Независимо от позиции ученых, касательно субъекта как элемента правоотношения или внешнего к данному правоотношению фактора, не входящего в его состав, они единодушны в том, что без субъектов нет правоотношения.

Соответственно при отсутствии инвестора правоотношение не может рассматриваться как инвестиционное.

В Законе РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» дано легальное определение инвестора, под которым понимается субъект инвестиционной деятельности, осуществляющий вложения, как собственных, так и заемных или привлеченных средств в форме инвестиций и обеспечивающий их целевое использование (п. 3 ст. 2). Понятие «инвестор» раскрывается также в Федеральных законах «О соглашениях о разделе продукции»[4], «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [1], «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [5] и «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»[3].

Как представляется, под субъектами инвестиционных отношений надлежит понимать лиц, которые своими активными действиями вступают в инвестиционные правоотношения.

Правовой режим объектов формируется под воздействием норм разных отраслей права, поскольку к объектам инвестиций относится, например: научно-техническая продукция, ценные бумаги, целевые денежные вклады, объекты, находящиеся в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Как представляется, объекты инвестиционных правоотношений обладают такой характеристикой, как допустимость вложений как в виде их создания/приобретения или увеличения/изменения уставного капитала или вследствие совершения сделки, а также способны в будущем увеличить доход инвестору, то есть выступают средством для достижения цели в виде прибыли и/или достижения положительного социально значимого эффекта.

Рассматривая права субъектов инвестиционных правоотношений необходимо отметить, что данные права имеют законодательно закрепленные ограничения. Как справедливо отмечает В.В. Долинская, ограничения по объектному составу относятся к запрету инвестирования таких объектов, которые не отвечают требованиям экологических, санитарно-гигиенических и других норм [6, с. 16]. В некоторых случаях законодатель прямо ограничивает для определенных организаций возможность инвестирования в определенные объекты инвестирования (ст. 38 Федерального закона «Об инвестиционных фондах»[7]): данные ограничения разнообразны и направлены на обеспечение сохранности инвестируемого актива, защиту его от рисков и потерь.

Таким образом, инвестиционные правоотношения, это отношения, которые определяют процесс инвестирования, регламентируемый нормативно-правовыми актами, в которых всегда присутствуют субъект (инвестор), располагающий инвестициями, объект (объект инвестиций) и связь между ними, являющаяся системообразующим фактором, объединяющим все остальные элементы в одно целое.

Список используемых источников информации

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»// Собрание законодательства РФ, 01.03.1999, № 9, ст. 1096
2. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»// Бюллетень нормативных актов, № 2-3, 1992.
3. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 12.07.1999, № 28, ст. 349.
4. Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 18.
5. Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ, 08.03.1999, № 10, ст. 1163.
6. Долинская В.В. Инвестиции и инвестиционная деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 1. С. 7 - 13.
7. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»// Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4562.

Таилова А.Г., Нухдурев Р.О.

Личностные характеристики несовершеннолетнего преступника

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»
(Дагестан, Избербаши)

doi:10.18411/spc-20-2016-10-07

idsp: 000001:spc-20-2016-10-07

Аннотация

В статье рассматриваются личностные особенности несовершеннолетних преступников. Затронут вопрос об интересах правонарушителей, их направленности, широте и устойчивости, мотивации преступного поведения. Обращено внимание на анализ преступности несовершеннолетних, которая обнаруживает сложное диалектическое развитие.

Ключевые слова: Личность, несовершеннолетний преступник, деформация сферы интересов, причиной преступности несовершеннолетних.

Проблема личности несовершеннолетнего правонарушителя является одной из основных криминологических проблем, изучение которой возможно только на основе общей теории личности. Наряду со свойствами, характеризующими человеческую личность вообще, правонарушитель обладает свойствами, типичными только для этой категории лиц, особенно если процесс неправильного нравственного формирования зашел слишком далеко. По данным полученным нами в результате изучения материалов уголовных дел, ранняя преступная активность, выражающаяся в первых антисоциальных отклонениях, начинается в конце курса начальной школы и усиливается по достижению подростком 12-13 лет [1]. Этот процесс сопровождается уходом из школы и установлением контактов с криминально проявившими себя молодыми или более взрослыми людьми. Эта нездоровая среда (у 60—65% осужденных) [1] превращается в естественную среду для значительной части несовершеннолетних правонарушителей. В ней формируются негативные установки происходит подражание тем, кто утвердился в своих отрицательных социально-психологических свойствах. Наступающая ранняя деморализация является благоприятной почвой и для формирования личности несовершеннолетнего рецидивиста.

Любая попытка охарактеризовать личность современного правонарушителя наталкивается на серьезные трудности, особенно когда речь заходит о важнейших элементах структуры личности. Исследования показывают, что в основе преступлений несовершеннолетних часто лежат недифференцированные и недостаточно осознанные потребности, не всегда адекватные степени психосоциального развития правонарушителя. Вследствие этого они нередко оказываются несвоевременными или вредными.

Столь же сложен и вопрос об интересах правонарушителей, их направленности, широте и устойчивости. Исследования выявляют убогие и недостаточно выраженные интересы, духовную бедность, равнодушие к общественной жизни. Деформация сферы интересов личности, ее неправильные ценностные ориентации в наибольшей степени проявляются в процессе мотивации преступного деяния.

В процессе мотивации преступления находят отражение и такие деформации правосознания несовершеннолетних, как «правовой инфантилизм» (в основном у правонарушителей младшего возраста) и «правовой нигилизм», полностью отрицающий социальные нормы и их значение в регулировании общественных отношений. Личность несовершеннолетнего правонарушителя сложна и противоречива. Незавершенность социально-психологического развития затрудняет типологизацию.

Особенности социально незрелой, формирующейся личности несовершеннолетнего накладывают отпечаток и на мотивацию преступления, в большинстве случаев ситуативную, непрочную, неустойчивую. В процессе мотивации проявляется и другая особенность несовершеннолетия - то, что оно является «коллективным» возрастом с акцентированным стремлением к общению и самоутверждению. Именно в группе ровесников несовершеннолетние стремятся удовлетворять свои типично возрастные потребности.

Наряду с характерными для любого возраста мотивами преступления у несовершеннолетних возникают и другие мотивы, типичные именно для них. Попытка самоутверждения путем совершения преступления — это попытка как-то компенсировать тот «дефицит» социального признания, который личность часто испытывает в силу своих нереальных или искаженных притязаний. Другим специфическим мотивом преступления является преступная солидарность. Она выражается в готовности правонарушителя подчиниться воле лидера или группы и принять участие в совершении преступления при отсутствии личной заинтересованности.

Мотивы преступлений отличаются по степени их устойчивости. Стойкая мотивация обычно связана с утилитарными потребностями правонарушителя и свидетельствует о более глубокой нравственной деформации личности. Ситуативная мотивация чаще всего возникает на реактивной основе, в том числе и в ситуациях, спровоцированных жертвой.

Анализ преступности несовершеннолетних обнаруживают сложное диалектическое развитие. Они связаны с некоторыми факторами макро- и микросреды, в которой живут несовершеннолетние, и при определенных неблагоприятных условиях сказываются на процессе формирования личности правонарушителя. Недостатки в воспитании подрастающего поколения на наш взгляд является непосредственной причиной преступности несовершеннолетних. Разработка проблемы в этой плоскости требует тщательного исследования механизма функционирования таких институтов, как семья, школа, молодежные организации, трудовые коллективы, товарищеская среда и др.

Список используемых источников информации

1. Материалы уголовных дел Архива Избербашского городского суда за 2010-2015г.г. по преступлениям совершёнными несовершеннолетними либо с участием несовершеннолетних.

Таилова А.Г., Нухдурев Р.О.
Законодательное определение санкций

*ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»
(Дагестан, Избербаш)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-08

idsp: 000001:spc-20-2016-10-08

Аннотация

В статье анализируются законодательные связи санкций. Обращено внимание на то, что исследование санкций и законодательное определение ответственности связано с решением практических задач, имеющих большое социально-политическое значение. Анализируется законодательное определение санкций и влияние на них такого обстоятельства, что при помощи некоторых санкций охраняются обширные комплексы правовых норм различных отраслей права.

Ключевые слова: Санкции, законодательная техника, содержание и социальное назначение, законодательное определение.

Способы законодательной связи санкций с охраняемыми ими правоположениями разнообразны. На первый взгляд данная проблема относится к законодательной технике, разрабатывающей наиболее простые способы указания на меры принуждения (санкции, ответственность), предусмотренные на случай нарушения правовых норм. С этой точки зрения предпочтительнее в нормативных актах, определяющих обязанности и запреты, указывать санкции за их нарушение, а не отсылать к другим нормативным актам. Между тем в законодательстве преобладает именно отсылочный способ (в одних нормативных актах определяются права и обязанности участников общественных отношений, в других — санкции за их нарушение).

Это предопределяется прежде всего содержанием и социальным назначением подавляющего большинства нормативных актов, направленных не на борьбу с правонарушениями, а на регулирование и развитие общественных отношений. Цели таких

нормативных актов обуславливают именно и только отсылочный способ определения ответственности (санкций) за нарушения содержащихся в них положений.

Попытка дать в отдельных нормативных актах перечень видов их возможных нарушений и санкций за каждый из них привела бы не только к их информационной перегрузке, что само по себе плохо, но и перегрузке лишней, отвлекающей внимание от содержания Законов, не соответствующей их главным социально-правовым функциям. В таком перечне нет надобности и по той причине, что ответственность за нарушения обязанностей, предусмотренных этими нормативными актами, либо уже определены ранее принятыми законами (дисциплинарная, уголовная и иные виды ответственности), либо такое определение предполагается дать в других нормативных актах, принятие которых относится к компетенции того же или иных государственных органов.

В большинстве законов, кодексов и других нормативных актов, направленных на регулирование и развитие общественных отношений, ответственности посвящен специальный раздел. В нем, как правило, обозначаются виды правонарушений, возможных только в пределах соответствующей сферы правового регулирования, и определяются либо специфические меры ответственности за такие нарушения.

На законодательное определение санкций влияет также то обстоятельство, что при помощи некоторых санкций охраняются обширные комплексы правовых норм различных отраслей права. Таковы нормы о дисциплинарной ответственности, которыми охраняются от нарушения нормы трудового, административного, процессуального и ряда других отраслей права. Они носят настолько всеобщий «охранительный» характер, что включение их в законодательные акты соответствующих отраслей вообще невозможно. Таковы также нормы Гражданско-процессуального кодекса, регулирующие исполнительное производство. Они, как санкция, корреспондируют ряду норм гражданского, трудового, брачно-семейного, административного, уголовного права. Общий характер (по отношению ко всему гражданскому праву) имеет норма об ответственности в виде возмещения убытков. Поэтому общие нормы об ответственности должны быть сформулированы в общей части гражданского законодательства, а не в разделе об обязательствах.

На формы законодательной связи санкции и охраняемого ею правила существенно влияет также строгость санкции, соответствующая степени общественной вредности или опасности правонарушения. Чем больший объем право ограничений определен санкцией, тем жестче она привязана к описанию караемого ею правонарушения, вплоть до конструкций норм Особенной части Уголовного кодекса, где детальное изложение состава преступления сопровождается точным определением рамок соразмерного ему наказания. И наоборот, менее строгие взыскания за нарушение трудовой дисциплины излагаются в общем перечне без определения составов проступков, за которые они применяются, исключая увольнение за грубое или систематические нарушения. Этим обеспечивается режим законности: более строгие меры ответственности применяются за точно определенные правонарушения, причем свобода усмотрения государственных органов и должностных лиц ограничена не только верхним пределом санкции, но и необходимостью мотивировать выбор в ее пределах конкретной меры взыскания (наказания) либо назначение менее строгой меры, чем определено низшим пределом санкции.

Названные факторы (непосредственные цели, социально-правовые функции нормативных актов, универсальность ряда норм об ответственности, необходимость точно сформулировать составы правонарушений, влекущих применение наиболее строгих санкций) относятся к числу тех, которые обуславливают специализацию в системе законодательства. Наконец, метод отсылок к специальным нормативным актам, определяющим санкции за правонарушения и порядок применения санкций (ответственность), необходим еще и по той причине, что система санкций и ответственности не неизменна. Она находится в состоянии движения, развития, перестройки, закономерно меняется с развитием общества, причем процесс этих изменений обусловлен поиском наиболее эффективных санкций, совершенствованием их содержания и порядка применения.

Уповор И.В.

Преступность как социально-опасное явление и проблема применения метода государственного принуждения в истории уголовной политики России

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-09

idsp: 000001:spc-20-2016-10-09

Преступность, в отличие от других социально-негативных явлений (алкоголизм, наркотизм, детская безнадзорность, проституция, бродяжничество и др.), будучи социальным конфликтом [1, с. 81], представляет собой еще и социально-опасное явление, и эта характеристика находит определенное отражение в законодательстве, в частности, в определении понятия преступления согласно ст. 14 УК РФ [2]. Как справедливо отмечает А.С. Пучнин, «правонарушение является фактом, предшествующим обязательному принуждению со стороны государства, но на основе права» [3, с. 156]. Более того, по мере роста преступности государство должно адекватно усиливать свои функции в сфере контроля над ней [4, с. 197]. И такая позиция существовала всегда, как писал П.А. Сорокин, «ни в прошлом, ни в настоящем мы не знаем ни одного общества, ни одного государства, в котором официальное право не защищалось бы принудительными мерами» [5, с. 110]. Рассматриваемая проблематика в отечественной правовой мысли с начала XIX в. как правило увязывалась с такой формой государственного принуждения, как уголовное наказание. Так, А.П. Куницын писал, что «гражданин, который совершит преступление, разрывает свой союз с обществом, а поэтому перестает быть гражданином этого общества. Такой человек становится врагом общества и поэтому государство может поступать против преступника как против своего врага... Врагов иностранных позволено убивать, если нет другого способа от них защититься, почему же не может быть позволено убивать врагов» [6, с. 52]. Представляет интерес позиция С. Баршева – профессора Московского университета, который в 1840 г. опубликовал свой труд «О мере наказаний». Этот российский ученый писал, что «государство наказывает преступника не потому, что его преступление заслуживает наказания, но для того, чтобы обезопасить свое существование от врага (выделено нами – авт.)» [7, с. 17]. В дальнейшем термин «враг общества» перестал широко использоваться в правовой литературе в контексте борьбы с преступности.

Современная российская правовая мысль также пытается осмыслить феномен преступности с социально-правовой точки зрения. Что касается необходимости государства применять принуждение к преступникам, то в этом отношении представляет интерес мнение А.Д. Чернова и И.И. Голубова, которые пишут: «Гибель общества наступает тогда, когда одна из сторон (народ или государство) изменяет общей цели борьбы с преступностью или перестает понимать эту цель (например, если власть начинает потакать преступникам, либо народ начинает их укрывать). В этих условиях общественное организованное сопротивление преступности прекращается, уступая свое место непротивлению, в результате победа преступности оказывается обеспеченной. При таких обстоятельствах наше государство может оказаться в роли бандитского государства на неопределенный срок. Это одна из основных современных проблем нашего общества» [8, с. 67-68]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ученые-правоведы допускают возможность победы преступности.

Между тем в советский период, как известно, главенствовала концепция постепенного снижения преступности до нуля и соответственно должна была отпасть необходимость государственного принуждения (в рамках движения советского общества к коммунизму). При этом, на наш взгляд, советское руководство в свое время (первые годы советской власти) переоценило роль правосознания «класса трудящихся», полагая, что, взяв власть в свои руки и построив свое «государство трудящихся», эти самые трудящиеся уже не будут совершать преступлений и в государственном принуждении не будет никакой необходимости.

Однако «трудящиеся» как совершали, так и продолжали совершать преступления, и тогда государство перестало абсолютизировать принцип гуманизма в части судебного уголовного наказания (он безусловно имел место, достаточно обратить внимание на

сравнительно мягкие санкции по УК РСФСР 1922г.; что касается «красного террора» и связанных с ним мер внесудебного реагирования, то мы опускаем эту политическую составляющую, поскольку рассматриваем «общеуголовщину»), и стало постепенно ужесточать меры принуждения к преступникам. Так, в 1936 г. был установлен 25-летний максимум лишения свободы (против 10 лет по УК РСФСР 1922 г.), в 1937 г. реанимирован институт тюрьмы как учреждения для лишения свободы, принимались также многочисленные изменения и дополнения к УК РСФСР об ужесточении наказаний. Иными словами говоря, фактически государство в качестве генерального метода противодействия преступности выдвинуло государственное принуждение в самых жестких его формах.

Тем не менее иллюзия о полной победе в борьбе над преступностью сохранялась довольно долго. Обозначенная в Программе КПСС в редакции 1961г. [9], она находила отражение в учебниках по криминологии вплоть до второй половины 1980-х гг. (в те годы среди криминологов ходила скорее всего вымышленная история о том, что Хрущев якобы объявил на одной из встреч, что он доживет до момента, когда сможет пожать руку последнему советскому заключенному). Рубежным моментом можно считать выход в 1991 г. книги классика советской криминологии И.И. Карпеца «Преступность: иллюзии и реальность», в которой он признает, что окончательная победа с преступностью невозможна в силу особых свойств преступности как социального явления, одним из которых является объективный характер, и в этой связи попытки полностью искоренить преступность в социалистическом обществе были признаны утопичными [10]. Подтекстом этого признания можно считать провал концепции борьбы с преступностью методами прежде всего убеждения.

Мы полагаем, с учетом изложенного, что в настоящее время в российской криминологии проблема преступности должна исследоваться на иных основах, чем в советский период, а именно речь идет уже не о «победе» над преступностью, и соответственно не «борьбе» с ней, а о противодействии этому социально опасному явлению, снижении ее уровня до социально терпимого. Между тем во многих публикациях и опросах жителей по-прежнему, уже в течение по меньшей мере десяти лет, находит отражение все возрастающая опасность преступности как социально негативного явления. Статистика также показывает тревожные цифры – в первом полугодии 2015 г. выросла, в том числе среди несовершеннолетних. Возникает вопрос: каким образом государство должно реагировать на такую ситуацию? Ответ, как представляется, во многом зависит от степени стабильности в стране социальных отношений. Россия в настоящее время переживает переходный период, государственность еще не обрела устойчивости, что хорошо видно по бесконечным реорганизациям государственного аппарата федерального уровня, попыткам выстроить властную вертикаль, изменениям в законах и т.д. Ситуацию определенным образом дестабилизирует экономический кризис, который, судя по всему, перейдет и в 2016 г. При таком положении трудно ожидать каких-либо продуманных, стратегических мер противодействия преступному миру, рассчитанных на десятилетия (а только такой подход, по нашему глубокому убеждению, может быть эффективен при решении глобальных социальных проблем, к которым, безусловно, относится преступность).

Поэтому Российское государство принимает в этой сфере меры «на злобу дня», способные обеспечить лишь текущие задачи. Речь идет прежде всего о корректировке уголовной (карательной) политики. Это выражается в уже достаточно четко определенной тенденции, связанной со все большим акцентом на государственное принуждение как панацею от преступности. Такой подход государства находит оформление в ужесточении уголовных наказаний. Наглядным подтверждением этой тенденции является принятие нового Уголовного кодекса России в 1996 г. Следует заметить, что указанная тенденция на усиление государственного принуждения в сфере противодействия преступности осуществляется вопреки устоявшимся теоретическим взглядам о нецелесообразности жестоких наказаний. Анализ уже внесенных поправок в УК РФ, а также соответствующих законопроектов показывает, что абсолютное большинство из них направлены на ужесточение санкций либо криминализацию новых деяний. И это особенно заметно в последние годы. Так, 2011-2014 гг. в Особенную часть УК РФ был введен 51 (пятьдесят один) состав новых преступлений (закреплены в отдельных статьях Особенной части). Еще характерные цифры: с 1996 г. по настоящее время (конец 2015 г.)

было декриминализовано только 9 (девять) преступлений, а криминализовано в несколько раз больше - 76 (семьдесят шесть) деяний, что явно не соответствует официальным декларациям о политике смягчения уголовной политики.

Как видно, государство в рассматриваемых вопросах действует в соответствии с общественным мнением, которое в ответ на рост преступности [11, с. 617] в стране требует большей жесткости наказания, или, в терминологии нашей работы, большего объема и степени государственного принуждения. Такой подход находит поддержку у ряда исследователей, в частности, И.Э. Агабалиева полагает, что «принуждение всегда выступает в качестве гарантии полного обеспечения законности в государстве» [12, с. 10], с чем трудно полностью согласиться, поскольку возникает вопрос о том, будет ли такая уголовно-правовая политика способствовать стабилизации общественных отношений. При ее реализации неизбежно начнет возрастать численность лиц, находящихся в местах лишения свободы. Это обстоятельство, в свою очередь, будет катализировать рост рецидивной преступности (в относительном исчислении она уже долгие годы держится в среднем на уровне 25-30%). А это способствует росту преступности. Получается порочный круг. Альтернативой может быть гуманизация уголовного наказания на основе европейской практики. Однако такого рода гуманизация, как следует из вышеизложенного, в нашей российской действительности противоречит общественному мнению, в связи с чем трудно разделить оптимизм А.К. Зебницкой в том, что в России «применение наказаний, не связанных с лишением свободы, в скором времени станет широкой практикой» [13, с. 32]. В этой ситуации перед российским государством стоит чрезвычайно трудный выбор: ужесточать принуждение, следуя общественному мнению по поводу роста преступности, либо, опираясь на опыт зарубежных стран, все же стремиться к гуманистическому направлению.

Предпосылки для решения этой проблемы заключаются, как представляется, прежде всего в необходимости проявления со стороны государственной власти политической воли. Пока такой воли нет. Например, не одно десятилетие критикуется система регистрации преступлений в нашей стране и ее влияние на показатели эффективности ОВД, в результате чего статистика преступности, публикуемая на сайте МВД РФ, многими криминологами подвергается сомнению. Давно бы пора решить этот вопрос. Но, несмотря на предпринимаемые попытки, он так и не решается, а один известнейший в России криминолог (не называю фамилии, поскольку данная мысль прозвучала как устный ответ на вопрос автора статьи на конференции в Брянске еще в 2001 г., но актуальна до сих пор) полагает, что в нынешней системе властно-чиновничьих отношений он не разрешим в принципе, и судя, по всему, это действительно так, поскольку пока трудно говорить о повышении эффективности ОВД после проведенной т.н. реформы («милиция-полиция»).

Заметим еще в этой связи, что в начале 1990-х гг. наше общество и власть пребывали в эйфории (как и в первые годы советской власти по поводу строительства светлого будущего): освобождение от «застойного советского государства», введение рыночных отношений зажгли надежду на все то же скорое светлое будущее – все станут собственниками, страна расцветет и встанет в ряд по настоящему великих держав. При таких условиях надо стремиться к западным идеалам, и вот принимается мораторий на отмену смертной казни, смягчается наказание за преступления против собственности, за шпионаж и т.д. Однако факел эйфории горел недолго. Реальность ныне отнюдь не та, которую ждали. Собственниками (в понимании возможностей достойно жить) стали немногие. Степень опасности преступности для общества не снижается, а по многим направлениям усиливается (достаточно назвать пресловутую проблему с коррупцией).

На этом фоне усиление уголовных репрессий в последнее время лишь закрепляет закономерность социального развития – общество, склонное к эйфорическим ожиданиям, а именно таким в силу исторических условий является российское общество, принуждается государством к лечению. В ближайшие годы, как представляется, нас также ждет социальная терапия. Разумеется, не в виде неосталинизма (времена-то другие, и источник власти иной – народ!), но в виде некоторого «неоогосударствления» общественной жизни (в рамки которого усиление уголовных репрессий вполне вписывается) с целью достигнуть большего баланса между свободой и ее ограничением именно для нашего, российского общества. И в этом смысле власть скорее проявляет силу, чем слабость, поскольку приходится отступать от ранее данных обещаний и

россиянам, и всему миру (так, после публичного обещания в 1996 г. упразднить наказание в виде смертной казни таковая по-прежнему остается в УК РФ, и все чаще официальные лица заявляют о ее необходимости).

В этой связи преступление может быть уподоблено социальному недугу, в чем-то схожему с физическими и психическими болезнями, борьбу с которыми осуществляет медицина. Соответственно, криминологическая профилактика может рассматриваться как своего рода социальная санитария и гигиена (которые воздействуют не на сами болезни, а на их истоки) либо как самые безболезненные процедуры и методы терапевтического характера. «Наказательные», уголовно-репрессивные направления борьбы с преступностью в данном контексте ассоциируются с оперативным (хирургическим) вмешательством или активным терапевтическим лечением с применением далеко не безболезненных методов, например, лучевой или химиотерапии. В любом случае, однако, применение государственного принуждения (наказания) в борьбе с преступностью является социально обоснованным, но отнюдь не исключительным и не единственным, а вторичным и подчиненным средством в общей системе воздействия на личность преступника и преступность в целом.

В контексте нашей работы не меньшее значение имеют уголовно-процессуальные аспекты. Ранее мы указывали на то, что государство современного периода ужесточает уголовное наказание, усиливая тем самым роль государственного принуждения в сфере противодействия преступности. Однако аналогично можно говорить и в отношении процессуальных средств. Так, в свое время широкий резонанс в российском обществе вызвало заявление тогдашнего генерального прокурора России В. Устинова, который на заседании Государственной Думы 28 октября 2004 г. заявил: «Я считаю, что если люди (если можно назвать их людьми) пошли на такой акт, как террористический, то задержание родственников и показ этим же террористам, что может произойти с их родственниками, поможет в какой-то степени нам спасти людей. Поэтому здесь не надо закрывать глаза и делать такие дипломатические мины. Я думаю, надо решать вопрос так: кто с мечом к нам придет, тот от меча должен погибнуть ... Задержание родственников террориста во время проведения теракта, безусловно, поможет нам сохранить и спасти людей» [14]. Было предложено также упростить уголовное судопроизводство в отношении преступлений в виде терроризма. Мы приводим этот пример для того, чтобы показать, что сравнительно недавние (конец 2014 г.) еще более резкие высказывания на это счет главы Чеченской республики (разрушать жилища террористов), что подтверждают актуальность рассматриваемой проблематики.

Подытоживая, мы можем отметить, что в последние годы в России наблюдается тенденция усиления роли государственного принуждения в сфере противодействия преступности как социально-опасному явлению. Такой подход во многом обусловлен отсутствием у государства продуманной уголовной политики, предусматривающей научно обоснованные методы противодействия преступности, эффективное соотношение государственного принуждения и иных мер воздействия на девиантов. Отсутствует и политическая воля взяться за преступность как социально-опасное явление, и в немалой степени по причине криминогенности самих госструктур. В этих условиях расширенное применение государственного принуждения может привести к социальной катастрофе. Осознание этого, как представляется, должно подвигнуть российское общество и государство к поиску и использованию более сбалансированных методов противодействия преступности, позволяющих формировать такие социальные отношения, в рамках которых государственное принуждение к «врагам общества» не будет являться решающим средством.

Список используемых источников информации

1. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2003.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 01.10. 2015 г.).
3. Пучнин А.С. Принуждение и право. Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999.
4. Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. М.: Закон и право, 2003.
5. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919.
6. Куницын А. Право естественное. Ч.1. М., 1817.

7. Баршев С. О мере наказаний. М., 1840.
8. Чернов А.Д., Голуб И.И. Философские аспекты уголовного наказания. М., 2000.
9. Программа КПСС. М.: Политиздат, 1961.
10. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1991.
11. Ахьядов Э. С. Причины роста преступности в современной России: проблемы их решения // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 616-618.
12. Агабалиева И. Э. Санкционированность и социальная обусловленность принудительности права // Государство и право: теория и практика (мат. междунар. конф.). Челябинск, 2011. С. 8-11.
13. Зebницкая А.К. Уголовная политика современной России и международные стандарты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. N 4. С. 29 - 32.
14. Устинов предложил брать в заложники родственников террористов // <http://lenta.ru/terror/2004/10/29/ustinov/> (дата обращения – 04.02. 2015 г.).

Шавеко Н.А.

Понятие права по Г. Радбруху

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-10

idspl: 000001:spc-20-2016-10-10

Аннотация

В статье анализируется подход к понятию права, предложенный немецким философом права неокантианского направления Г. Радбрухом, выявляются достоинства и недостатки данного подхода, сходства и отличия понятия права у Г. Радбруха и у Р. Штаммлера

Ключевые слова: понятие права, неокантианство, философия права, справедливость, Радбрух, Штаммлер, отнесение к ценности

Густав Радбрух (1878 – 1949 г.) – выдающийся немецкий философ права и политик, мечтавший стать поэтом, но выучившийся на юриста по воле отца, представитель Баденской школы неокантианства, был учеником Ф. Листа, посещал лекции Р. Штаммлера, но потом совершил поворот "от Штаммлера и Листа к Ласку и Риккерт", также входил в окружение М. Вебера, занимал должности приват-доцента и экстраординарного профессора в Гейдельбергском университете, был депутатом Гейдельбергского городского собрания от Прогрессивной народной партии, занимал должность экстраординарного профессора Кенигсбергского университета, далее проникнувшись кантовским учением о долге, но будучи пацифистом, участвовал в Первой мировой войне добровольцем в качестве сотрудника Красного Креста, после войны был экстраординарным и ординарным профессором в Киле, был арестован и едва избежал смертной казни за участие в Капповском путче на стороне рабочих, после чего предпринимал попытки по деэскалации конфликта, вступил в социал-демократическую партию, был избран депутатом Рейхстага, дважды назначался на должность министра юстиции Веймарской республики, стал инициатором принятия ряда важных законов (о возмещении расходов присяжным, о праве женщин на работу в системе правосудия, об отмене смертной казни, каторжных тюрем и унижающих человеческое достоинство наказаний), позже оставил политическую деятельность ради науки, в частности был деканом юридического факультета университета Кили, но пришедшие к власти нацисты отстранили его от занятий наукой, а в боевых действиях под Сталинградом в 1942 г. погиб его сын (ранее в 1939 г. при сходе лавины погибла его дочь), в национал-социалистский период Радбрух посещал Оксфорд с целью изучения англо-саксонского права, публиковал работы в зарубежных журналах, а также посвящал время истории искусств и филологии, после Второй мировой войны стал деканом юридического факультета Гейдельбергского университета, и выступил ярким противником гитлеровского режима, а философия права Радбруха стала основой для официального осуждения нацизма и других нарушений прав человека. Так, "формула Радбруха" использовалась немецкими судами для привлечения к ответственности лиц, формально соблюдавших нацистские законы, и для освобождения от ответственности нарушавших их, чтобы выжить, а в последующем применялась также с целью осуждения расстрела тех, кто пытался пересечь Берлинскую стену со стороны ГДР.

Опираясь на Баденское неокантианство, Г. Радбрух предпринимает интересную попытку взглянуть на понятие права посредством "отнесения к ценности": "Право, - пишет мыслитель, - творение человеческого разума и как любое творение человека может быть понято только из собственной идеи. Попробуем дать определение столу, абстрагируясь от его целевого назначения. Итак, стол - это доска на четырех ножках. Но такое определение тотчас вызывает возражение. Ведь существуют же столы на трех или одной ножке. И даже откидные столики вообще без ножек. Последний пример показывает, что существенно важным для определения сути стола является лишь столешница. Но она также является не чем иным, как любая другая обработанная доска и отличается от себе подобных изделий лишь целью своего применения. И в результате стол можно было бы определить как приспособление, сделанное для того, чтобы сидящий за ним что-то на него ставил. Рассматривать все сделанное человеком с точки зрения «целеполагания», обусловленного слепыми природными силами (*Zweckblind*), то есть без оценочного суждения, невозможно. Точно так же невозможно инстинктивное, лишенное оценки суждение о праве или о каком-либо правовом явлении" [3, 15].

Одновременно Г. Радбрух отмечает следующее: "Понятие науки не идентично ценности истины, наука определенной эпохи характеризуется не только достижениями, но и заблуждениями" [3, 12]. Искусство в рамках его истории также рассматривается нами не только как прекрасное, но и как вообще любая попытка создать прекрасное, история искусства есть сочетание вкуса и безвкусицы. Точно так же и право: "Право, - говорит Радбрух, - может быть несправедливым... но оно является правом постольку, поскольку смысл его заключается в том, чтобы быть справедливым" [3, 16], "право - это действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости" [3, 44]. Из этого напрямую следует тот факт, что если право даже не стремится быть справедливым, а представляет собой вопиющий произвол, нарушение фундаментальных человеческих свобод, то оно не может и называться правом.

С точки зрения Баденской школы неокантианства, "любое проявление человеческой деятельности, например, выразившееся в изготовлении стола, нельзя понять без опосредования его идей, не говоря уже о праве. Понятие права можно определить лишь как действительность, которая стремится к идее права. Свое теоретическое обоснование подобная трактовка понятия права находит в воззрении, согласно которому, в противоположность учению Штаммлера, противопоставление действительности и ценности не укладывается в рамки простой антитезы сущего и должного. Его место скорее между суждением о действительности и ценностной оценкой «отнесенности к ценности» (*Wertbeurteilung der Wertbeziehung*), между природой и идеалом культуры: идея права - ценность, право же - отнесенная к ценности действительность (*wertbezogene Wirklichkeit*), явление культуры, культурная ценность" [3, 38].

Упреки Г. Радбруха в адрес Р. Штаммлера представляются заслуживающими внимания. Изначально Штаммлер утверждает необходимость систематического метода: "Если бы мы не обладали в общем понятии прочно логической опорой, то мы никогда не могли бы генетически наблюдать смены стоящих рядом определений, как развитие одного и того же института" [6, 133]. Поэтому изучение смены правовых явлений в истории предполагает изначально понятие права, существующее в мышлении, а изучение общества предполагает само понятие общества [7, 7-9]. Право и общество, по Штаммлеру, представляют собой логический *prius* опыта, а не его обобщение [7, 111]. Но когда ученый определяет общество как внешним образом урегулированное сотрудничество, противопоставленное (а) инстинктивному существованию животных или (б) взаимодействию абсолютно нравственных лиц, не нуждающихся во внешнем принуждении к соблюдению и исполнению норм или в их прояснении, он в действительности постоянно прибегает в своей аргументации к опытным данным. При таких обстоятельствах изменение эмпирических данных должно было бы вести к совершенствованию формулировки *prius'a*, но это уже невозможно, так как соответствующие данные будут отбрасываться как не относящиеся к понятию. Аналогично, когда в противоположность классическому позитивизму, неразрывно связывающему государство и право, Штаммлер определяет право как (а) ненарушимое (б) самовластное социальное воление, не обязательно исходящее от государства, то для этого постоянно используются отсылки к эмпирическому. Пытаясь обосновать, что право не

должно определяться через государство, Штаммлер утверждает, что "в ходе истории право часто возникало в таких общественных союзах людей, которые в нашем смысле не были государствами. Бродячие племена и орды и народности, ведущие образ жизни кочевников, знают правовой уклад, но не живут в государствах. И сыны Израиля во время сорокалетнего странствования по пустыне представляли собой, как гласит предание, тесно сплоченное и строго подчиненное правовое общение, но не составляли государства. Во всех этих случаях отсутствует прочная связь с определенной территорией, в которой мы усматриваем существенный признак понятия государства. Мы знаем, кроме того, что в известные довольно продолжительные периоды социальной истории дело создания и реформирования права предоставлялось церкви, автономным коммунальным и другим организациям, - даже семейным союзам, - к которым понятие государства уже не приложимо. Наконец, в современном международном праве мы имеем пример правовых норм, вытекающих из таких источников права, которые стоят над отдельными государствами" [8, 131-132]. Удивительно, как Штаммлер мог приводить столь слабые с позиции его же собственной методологии аргументы. Б.А. Кистяковский совершенно верно и чрезвычайно метко обратил внимание на то, что хотя Штаммлер "постоянно и неизменно настаивает на том, что понятие права не может быть получено индуктивным путем, его определение понятия права ничем не отличается от тех понятий, которые вырабатываются при посредстве лишь логических обобщений и классификаций... Этим путем, однако, он получает понятие, определяемое родовым признаком и видовым отличием, которые обладают не более как формально-логической значимостью" [2, 620]. Таким образом, возвращаясь к тезису Радбруха, нам представляется, что понятие права у Штаммлера действительно было бы более обоснованным, если бы он эксплицитно указывал на ценность, по отношению к которой он определяет данное понятие.

Однако вопреки Г. Радбруху, сама по себе необходимость определять понятие права через какую-либо идею еще не говорит о том, что это понятие должно сводиться к стремлению права быть справедливым. Действительно, Радбрух постулирует праводефинирующую ценность справедливости как самоочевидную, не принимая во внимание тот факт, что право может определяться "отнесением" к совершенно иной "ценности", как это происходит в классическом позитивизме или в нормативизме. Оспаривание праводефинирующего характера данной ценности и приводит к тому, что учение Радбруха подвергается критике со стороны неопозитивиста Г. Харта как смешивающее право и мораль.

Отметим также следующее. Штаммлер, подобно Радбруху, указывает, что право по своей природе есть средство достижения справедливости [6, 87-88], и в этом отношении взгляды двух мыслителей отчасти схожи. Оба ученых допускали действие несправедливого права: Штаммлер писал о допустимости ради стабильности "осознанно неправильного права", если объективные обстоятельства не позволяют его изменить [12, 268-271], а Радбрух ставил стабильность в целом выше справедливости ("Справедливость - вторая важнейшая задача права. Первая же - правовая стабильность, мир, порядок" [3, 99]). Но если у первого из них граница допустимой несправедливости права определялась исключительно соотношением понятий права и произвола, а стремление права к справедливости было лишь идеей должного, то у второго эта граница выражена в знаменитой "формуле Радбруха", и напрямую связана с самим понятием права.

Г. Радбрух высказывает следующую точку зрения "теоретического релятивизма": "Принципы должного могут обосновываться и доказываться лишь посредством других принципов должного. Именно поэтому высшие принципы должного недоказуемы. Они аксиоматичны. Их нельзя познать, их можно лишь принимать на веру. В тех случаях, когда высказываются противоречащие друг другу суждения о высших принципах должного, когда в споре противопоставляются диаметрально противоположные ценностные и мировоззренческие суждения, в научном плане нельзя принять однозначного решения" [3, 20]. Но именно это суждение и выбивает опору из отстаиваемого учением понимания права как действительности, отнесенной к ценности справедливого: обосновать именно эту ценность перед другими научно не представляется возможным. Радбрух не обосновал идею справедливости именно в качестве праводефинирующей. Справедливость является абсолютным идеалом права, а не его сущностным признаком.

В своем понимании права Г. Радбрух апеллирует к тому, что позитивистская доктрина привела к лояльному отношению к нацистскому режиму. Между тем, данное утверждение представляется натянутым, так как позитивизм вовсе не отрицает значимость моральной критики права – он лишь не считает эту критику имманентной самому праву. Иными словами, даже юрист вполне может отказаться соблюдать закон, если сочтет, что в его личной системе ценностей есть нечто большее, чем уважение к праву. Поэтому прав Г. Харт, который заявляет, что свойственный Радбруху "взгляд, предполагающий, что отсутствие всякой чувствительности по отношению к морали и благоговение перед государственной властью среди людей, подобных немцам, явилось следствием общего мнения о том, что право останется правом даже в случае его расхождения с минимальными требованиями морали, таит в себе необычайную наивность" [5, 104-136, разд. IV]. Более того, в немецкой литературе неоднократно подчеркивалось, что в период прихода нацистов к власти позитивизм вообще не был господствующим правопониманием в Германии, да и сама нацистская идеология его, призывая судей основывать решения на "народном правосознании", "общественном мировоззрении", воплощенном в воле фюрера и программе НСДАП. Законодательство нацистской Германии было в связи с этим достаточно гибким, оставляя простор для субъективного усмотрения судей [8, 4-12, 16-17]. Поэтому философия Радбруха это не "возрождение", а лишь новая вариация уже "возрожденного" Штаммлером естественного права, связанная с осмыслением нацистского режима.

Список используемых источников информации

1. Бігун В.С. Густав Радбрух – видатний німецький філософ права. / Проблеми філософії права. Том II. Київ-Чернівці, 2004.
2. Кистяковский Б.А. Причина и цель в праве. // Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010.
3. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
4. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце 19 – начале 20 века. М., 2013.
5. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали. // Правоведение. 2005, № 5.
6. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908.
7. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 1. СПб., 1907.
8. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Том 2. СПб., 1907.
9. Dreier H. Die Radbrusche Formel – Erkenntnis oder Bekenntnis? // Die Natur des Rechts bei Gustav Radbruch. Tübingen, 2015.
10. Klein M.D. Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch. Berlin, 2007.
11. Schülter P.H. Gustav Radbruchs Rechtsphilosophie und Hans Kelsens reine Rechtslehre. Ein Vergleich (2009).
12. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902.

Шубина В.Л.

Теоретико-правовые основы статуса уполномоченного по правам человека

*Орловский Государственный Университет
(Россия, Орел)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-11

idsp: 000001:spc-20-2016-10-11

Аннотация

Статья посвящена вопросам основам статуса Уполномоченного по правам человека в РФ. Помимо этого раскрываются общие положения о специализированных уполномоченных по правам человека.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, специализированные уполномоченные по правам человека, защита прав и свобод человека и гражданина .

В международном сообществе особым уважением пользуются государства, способные обеспечивать права человека за счет собственного внутригосударственного механизма. Предтечей осмысленного создания механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации можно считать ст. 2 Конституции РФ [1], где государство возлагает на себя обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и

свобод человека и гражданина. Заложена идея подкреплена ст. 17 Конституции РФ: провозглашены гарантии, направленные на реализацию и функционирование внутригосударственного механизма защиты прав человека. Однако декларация гарантий вовсе не означает их эффективного действия. В отличие от субъективного права, которое можно рассматривать как безусловное явление человеческой жизни, гарантии условны и производны. Исходя из данного тезиса, верным представляется утверждение профессора А.Н. Кокотова о том, что развернутая система гарантий нуждается в правовом закреплении [5, с. 78], точнее, в детальном, ясном, недвусмысленном закреплении. На данный момент развития правового регулирования Российское государство в лице его органов на всех уровнях власти столкнулось с необходимостью зафиксировать статус специализированных уполномоченных по правам человека, существование которых представляется важной гарантией обеспечения прав человека.

Институт омбудсмана наряду с другими контрольными институтами выступает в качестве одного из элементов системы политического и общественного контроля над аппаратом управления. Этот правовой институт позволяет не допускать отрыва бюрократии от общества, обеспечивает положение, при котором все более возрастающий государственный аппарат служит человеку, обществу, а не самому себе и не какой-либо элитарной группе.

Российская правовая действительность знакома с институтом уполномоченного по правам человека, заимствованным у иностранных юрисдикций для совершенствования национального законодательства с целью приведения последнего в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права в области прав человека [2, с. 26].

Трудно не согласиться с В.П. Лукиным в том, что споры относительно необходимости института уполномоченного по правам человека для Российской Федерации ушли в прошлое. Настало время его полноценного развития [4, с. 150]. Опираясь на сказанное, мы переходим к современным реалиям, когда наряду с общим институтом уполномоченных по правам человека учреждаются специализированные (иногда их еще называют отраслевыми) уполномоченные по защите прав людей определенной категории [4, с. 150].

Напрямую Конституция РФ должности специализированных уполномоченных по правам человека не закрепляет. Правовое регулирование статуса специализированных уполномоченных по правам человека происходит посредством принятия нормативных актов на федеральном уровне или на уровне субъектов РФ. На федеральном уровне были учреждены следующие должности специализированных уполномоченных: уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка (с 2009 года), уполномоченный по правам студентов в Российской Федерации (с 2012 года), уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (с 2013 года). Должности уполномоченных по правам ребенка и по защите прав предпринимателей были учреждены и на уровне субъектов Российской Федерации. Данные о регионах, учредивших должность уполномоченного по правам ребенка, разнятся. Согласно сводкам медиаисточников должность уполномоченного по правам ребенка учреждена в 23 субъектах РФ [4, с. 150]. На официальном сайте уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка сказано, что все субъекты имеют ответственного лица, уполномоченное защищать права ребенка. По всей видимости, разница в цифрах объясняется наличием или отсутствием правового регулирования указанной должности в субъекте РФ. Должность уполномоченного по защите прав предпринимателей также уже введена в некоторых субъектах РФ, в частности, в Ростовской области, Республике Адыгея. В ряде субъектов законопроект об уполномоченном по защите прав предпринимателей находится на стадии рассмотрения, например, в хабаровском крае. Помимо закрепленных в системе права специализированных уполномоченных были предприняты попытки создать и законодательно урегулировать должности уполномоченных по правам национальных меньшинств в Российской Федерации, уполномоченных по правам военнослужащих. Но попытки не увенчались успехом.

Активно обсуждается на всех уровнях власти учреждение должности уполномоченного по правам инвалидов. Об этом заявил Президент РФ В.В. Путин, подчеркнув, что поддержка инвалидов – важный вопрос в политике государства [6, с. 134]. Интересным представляется то, что Волгоградская область выразила готовность ввести в ближайшее время должность уполномоченного по правам инвалида независимо от решения данного вопроса на федеральном уровне.

Стоит отметить, что длинный перечень специализированных уполномоченных на нынешнем этапе лишен какой-либо системной организации: различаются нормативные акты, учредившие должности [4, с. 151], нет четкой координации как правовой, так и организационной, между федеральными уполномоченными и уполномоченными, созданными на уровне субъектов РФ, не предпринимаются попытки унификации законодательства, регулирующего деятельность специализированных уполномоченных по правам человека разных видов.

В настоящее время отсутствует федеральный закон, регулирующий деятельность специализированных уполномоченных по правам человека. Формирование института специализированных уполномоченных по правам человека, определение их статуса, численность аппаратов, материальное, транспортное, информационное обеспечение деятельности значительно отличается и никак не связано с такими объективными факторами, как территория субъекта (необходимость организации выездных приемов, проведения проверок в исправительных учреждениях, спецприемниках, изоляторах временного содержания, следственных изоляторах, учреждениях психоневрологического профиля, расположенных на удаленных территориях), численность населения, наличие и развитость специализированных учреждений. А это в свою очередь приводит к отсутствию единой национальной системы единых стандартов государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, осложняет координацию усилий федерального и региональных уполномоченных по правам человека и разграничение их полномочий в условиях федеративного государственного устройства [3, с. 11].

В этой связи в сложившихся условиях конституционной необходимостью является создание единой национальной системы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, которая позволит осуществлять ее совместными скоординированными усилиями федерального и региональных уполномоченных по правам человека, сформирует условия для их эффективного сотрудничества, обеспечит разграничение их полномочий в условиях федеративного государственного устройства путем разработки и принятия федерального закона.

Таким образом, Уполномоченный по правам человека в РФ играет важную правозащитную роль. Его деятельность направлена на восстановление нарушенных прав; совершенствование законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и др. Помимо Уполномоченного по правам человека в РФ созданы специализированные Уполномоченные по правам человека.

Список используемых источников информации

1. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ) // Российская газета. №237. 1993.
2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с.
3. Денисов С.А. Две модели уполномоченного по правам человека для России // Омбудсмен. 2013. №2. С. 10-15.
4. Калинина Е.Г. Специализированные уполномоченные по правам человека в РФ: новый элемент в системе внутригосударственного механизма защиты прав человека // Российский юридический журнал. 2014. №5. С. 149-154.
5. Кокотов А.Н. Конституционное право России: Курс лекций. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. 296 с.
6. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 272 с.

Шубина В.Л.

Роль уполномоченного по правам человека в Орловской области в избирательном процессе

*Орловский Государственный Университет
(Россия, Орел)*

doi:10.18411/spc-20-2016-10-12

ids: 000001:spc-20-2016-10-12

Аннотация

Статья посвящена роли Уполномоченного по правам человека в РФ в избирательном процессе. Раскрываются нарушения, выявленные в ходе избирательного процесса.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, защита прав и свобод человека и гражданина, нарушения избирательных прав.

Справедливость и честность выборов любого уровня напрямую зависят от беспристрастности, незаинтересованности и, что особенно важно, поддающегося общественному контролю подсчета и проверки подсчета голосов избирателей. Здесь крайне важным является обеспечение гласности в деятельности избирательных комиссий. Свободное, открытое и гласное обсуждение и решение вопросов, входящих в компетенцию избирательных комиссий, наряду с коллегиальностью являются основой осуществления деятельности комиссий. Деятельность избирательных комиссий направлен на обеспечение реализации и защиты избирательных прав граждан. Гарантией надлежащего исполнения избирательными комиссиями своих обязанностей является гласность в их деятельности и объективное подтверждение принимаемых решений, которое позволяет проводить их судебную проверку [2].

При подсчете голосов человеческий фактор должен быть сведен к минимуму. В этой связи Уполномоченный по правам человека в Орловской области поддерживает все более широкое повсеместное применение в процессе выборов технических средств ввода, передачи и обработки информации, а также контроля всего избирательного процесса в рамках предусмотренных законом норм.

13 сентября 2015 года в 84 субъектах Российской Федерации состоялся Единый день голосования. По оценкам СМИ, несмотря на то, что избирательная кампания 2015 года не обошлась без мелких инцидентов, в основном большинство представителей партий, выступавших наблюдателями на участках, высказались в едином ключе: контроль и прозрачность процесса заметно выросли.

Уполномоченный по правам человека в Орловской области во взаимодействии с областной избирательной комиссией и общественными организациями проводил мониторинг соблюдения избирательных прав граждан на этапе подготовки и проведения Единого дня голосования 13 сентября 2015 года [1].

Выборы в Орловской области проходили в 2011 и 2015 гг. Проведем сравнительную характеристику деятельности Уполномоченного по правам человека в Орловской области по реализации избирательных прав граждан в 2011 и 2015 гг.

Анализ Докладов Уполномоченного по правам человека в Орловской области за 2011 и 2015 года показывает, что в 2015 году Уполномоченный по правам человека в Орловской области стал активнее и более плодотворно использовать свой потенциал в избирательной системе. Так 9 сентября 2015 года Уполномоченный принял участие в заседании ЦИК России в режиме видеоконференции, на которой были рассмотрены вопросы готовности избирательных комиссий к проведению Единого дня голосования 13 сентября 2015 года. Кроме того, Уполномоченный предоставил свои координаты на сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, на котором была организована «горячая линия» с целью мониторинга и обобщения информации о нарушениях накануне и в Единый день голосования.

В ходе мониторинга предвыборной кампании 2015 года и анализа публикаций в средствах массовой информации, Уполномоченным отмечен ряд нарушений, допущенных самими кандидатами, оценка которым дана как органами специальной компетенции и судом, так и во внутривыборных структурах.

Так, по сообщению интернет-портала «Новый день», в августе 2015 года в рядах партии «Справедливая Россия» разразился громкий скандал. Территориальная избирательная комиссия Советского района г. Орла выявила, что председатель городского отделения партии «Справедливая Россия» Михаил Гавриков оказался действующим членом «Единой России». В регистрации в качестве кандидата в депутаты Орловского горсовета от партии «Справедливая Россия» Гаврикову М.Г. было отказано, поскольку, по действующему законодательству, кандидат, являющийся членом одной партии, не может выдвигаться от другой политической организации [1].

По мнению Уполномоченного, в избирательной кампании 2015 года отмечалось значительное количество фактов отказов территориальными избирательными комиссиями от регистрации кандидатов в связи с несоблюдением порядка выдвижения кандидата в депутаты Орловского городского Совета народных депутатов, установленного Федеральным законом от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Закона Орловской области от 30 июня 2010 года №1087-ОЗ «О регулировании отдельных правоотношений, связанных с выборами в органы местного самоуправления Орловской области». В подавляющем большинстве случаев отказ от регистрации кандидатов был связан с предоставлением недостоверных подписных листов в поддержку кандидата. Некоторыми кандидатами, получившими отказ от регистрации, действия территориальных избирательных комиссий были обжалованы в судебном порядке.

В заключение следует отметить, что выборы, проходившие в правовом поле, не ущемляя конституционных прав граждан, показали довольно высокий уровень политической активности избирателей, их стремление принять участие в политической жизни страны и региона, желание участвовать в принятии государственных решений, нести ответственность за общество, государство в целом, оказывать влияние на ход политических событий.

Список используемых источников информации

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Орловской области за 2015 год. Режим доступа: <http://www.ombudsman57.ru/files/doklad-2015.doc> (дата обращения 15.10.2016).
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Орловской области за 2011 год. Режим доступа: <http://www.ombudsman57.ru/files/doklad2011.doc> (дата обращения 15.10.2016).

Научное издание

**Научный диалог:
Юриспруденция**

Сборник научных трудов, по материалам
международной научно-практической конференции
20 октября 2016 г.

SPLN 001-000001-0056-QW

Подписано в печать 26.10.2016. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.1.84
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович